

— Ну что ты в итоге загадал?

Спускаясь с горы, любопытный «котик» то и дело крутился возле Сюэ Цяньсяня — казалось, дай ему волю, он бы хвостом обвил его голень, только бы не дать сделать и шагу дальше.

— Ну скажи, Сюэ Цяньсян, тебе жалко, что ли?

Сюэ Цяньсян опирался правой рукой на деревянную клюку. Откинув скошенный взгляд на раздухарившегося, широко распахнувшего глаза альфу, он приложил указательный палец к губам и тихо, с едва уловимой лукавой усмешкой, пропел:

— Если загаданное произнести вслух, Принцесса, оно не сбудется.

Цзян Чэхань оторопел. Лишь пару мгновений спустя до него дошло, что Сюэ Цяньсян попросту вернул ему его же собственные слова, поддев на ту же удочку. Альфа тут же надулся от досады:

— А сам-то меня допытывал!

Котик исподтишка метнул на него быстрый взгляд, поджал губы и пробормотал:

—... Врунишка.

Сюэ Цяньсян оглядел Цзян Чэханя. Стерев с лица улыбку, он вполне серьезно спросил:

— Взаправду обиделся?

Цзян Чэхань пару секунд колебался, но потом решительно и с чувством кивнул:

— Угу.

— О-о-о... — затянул Сюэ Цяньсян. Поймав тень надежды в глазах спутника, он уголкам губ улыбнулся и мягко добавил: — Обижайся сколько влезет, все равно не скажу.

«Котик» вытаращил и без того круглые глаза, ошарашенно выдохнув:

— Ах ты!..

Заметив, как на лице Сюэ Цяньсяня расцветает откровенная, больше не скрываемая усмешка, он окончательно понял: его попросту дурачат. Альфа резко развернулся и во весь дух рванул

вниз по тропе.

Сюэ Цяньсян спешно подался вслед за ним, тяжело опираясь на палку и оккликая на ходу:

— Принцесса!

Но разозленный «котик» — тварь гордая, так просто его не приласкаешь. Свирепо прибавив шагу, он мгновенно скрылся из виду.

Нога донимала острой болью, так что быстро идти Сюэ Цяньсян просто не мог. Преодолевая неприятные прострелы в щиколотке, он преодолел еще несколько шагов, но, подняв голову и не обнаружив Цзян Чэханя, замер. На секунду впад в ступор, огляделся по сторонам.

С топографией у него отродясь было плохо — иначе он бы не заплутал тогда в переулках. Теперь же, потеряв из виду проводника, Сюэ Цяньсян окончательно сбился с пути.

Сделав пару нерешительных шагов на костыле-самоделке, он неуверенно позвал:

— Принцесса?..

Горный прохладный ветер шевелил кроны деревьев; в воздухе шелестели листья. В тишине отдавал эхом лишь его собственный голос, улетаая вдаль и возвращаясь тихим отзвуком.

Ответа от Цзян Чэханя не последовало.

Похоже, дело дрянь: подразнился.

У любого, даже самого добродушного кота есть предел терпения — если долго дергать за усы, рано или поздно зашипит.

Тихо вздохнув, Сюэ Цяньсян достал телефон и вытащил наушник, собираясь вызвать телохранителей, чтобы те забрали его с горы.

Однако не успел он набрать номер, как из кустов неподалеку раздался шорох.

Сюэ Цяньсян обернулся. Из-за валуна легко выскочил пропавший было альфа. Сделав вид, что счищает невидимую соринку с рукава, он высокомерно вскинул подбородок:

— Чего застрял?

И, смерив омегу недовольным взглядом, пробурчал под нос:

— Плетешься как черепаха...

Сюэ Цяньсян немного растерялся:

— Ты... не ушел?

— С чего бы? Я просто гулял вокруг, пейзажами любовался, — сплеховал в оправданиях Цзян Чэхань, упорствуя до последнего. — И вовсе я не за тобой вернулся, понятно? Пошли живо, а то брошу здесь.

Сюэ Цяньсян мелкими шажками подошел ближе. Чуть запрокинув голову, он медленно похлопал ресницами:

— Но у меня ужасно ломит ногу, Принцесса...

Слыша эту беззащитность в голосе, Цзян Чэхань неловко отвернулся:

— Иди сам.

Котик все еще таил обиду:

— На загровке больше не понесу.

— Что ж, ладно, — с кроткой улыбкой отозвался Сюэ Цяньсян. — Только я пойду совсем медленно и, боюсь, отстану от Принцессы.

Он опустил взор. Длинные ресницы дрогнули, придавая ему невыразимо трогательный, беспомощный вид:

— Я лишь обуза для Принцессы...

Сердце Цзян Чэханя невольно сжалось.

Защищать омегу — заложено в инстинктах любого альфы на биологическом уровне. Помявшись пару мгновений, Цзян Чэхань протянул руку и с наигранным раздражением буркнул:

— Держись за рукав.

И тише добавил:

— Раз уж я вытащил тебя на гору, то и вниз доставлю в целости.

Сюэ Цяньсян взгляделся в его красивое лицо, затем тепло улыбнулся, отбросил импровизированный костыль и пальцами нащупал ткань рубашки альфы.

Эту рубашку — белую с плавным градиентом в небесно-голубой — по просьбе Сюэ Цяньсяна приставил управляющий отеля. Сюэ Цяньсяну нравился такой фасон, а на Цзян Чэхане вещь сидела просто безупречно.

Вскорости плотный шелк под пальцами омеги стал теплым и влажноватым. При каждом шаге костяшки Сюэ Цяньсяна случайно задевали открытое запястье альфы. Цзян Чэхань вспыхивал, шараясь в сторону, но Сюэ Цяньсян тянул его за рукав обратно — точь-в-точь как строптивого кота на поводке.

Вокруг царила глухая тишина, лишь слышалось их частое дыхание. Взаимное трение случайно соприкасающихся участков кожи порождало странную, давящую интимность.

Цзян Чэханя эта нарастающая двусмысленность смущала куда сильнее обычной неловкости. Он хотел было завязать разговор, но не находил подходящей темы, и на его лице явственно читалась сумятица.

Его эмоции угадывались без труда — они были как на ладони. Заметив смущение спутника, Сюэ Цяньсян почувствовал, как его собственное внутреннее напряжение испарилось без следа.

Скользнув взглядом по профилю Цзян Чэханя, Сюэ Цяньсян неожиданно высвободил мизинец и едва заметно провел им по его открытой ладони.

Прикосновение было невесомым, точно взмах птичьего пера, но несло в себе явный намек.

Цзян Чэхань мгновенно вздрогнул, потрясенно обернувшись. Он уже разжал губы, намереваясь спросить, что это значит, как сверху по ступеням со смехом и гиканьем промчалась орава ребятишек. Проход был узким, и носящиеся сорванцы задели омегу, шедшего у самого края, едва не сбив его с ног.

Реагируя на инстинктах, Цзян Чэхань сжал ладонь Сюэ Цяньсяна и рывком притянул его к себе.

Вслед за детьми спешно спускались родители. Запыхавшиеся взрослые принялись сыпать извинениями:

— Простите, ради бога! Ребятня совсем из ума выжила, заигрались!

Они с опаской поглядывали на высокого, статного и явно не настроенного на шутки альфу, с тревогой уточняя:

— Ваш омега в порядке? Не ушибся?

Цзян Чэхань ненадолго придержал Сюэ Цяньсяна за плечо, а затем убрал руку. Однако их сцепленные ладони так и остались соединены — со стороны они казались влюбленной парой.

— Все нормально, — буркнул он, смерив родителей хмурым взглядом. — Следите за своими детьми.

— Еще раз простите, мы обязательно всыпем им как следует!

Родители поспешили увести разбушевавшуюся детвору дальше вниз.

Когда шаги прохожих утихли, Цзян Чэхань наконец разомкнул пальцы.

Его ладонь почему-то стала влажной. Смерив молчаливого омегу озадаченным взглядом, он смущенно выговорил:

—... Ты ведь только что трогал мою ладонь, да?

Сюэ Цяньсян с невинным видом посмотрел на него и парировал:

— Разве это не Принцесса только что сжала мою руку?

Цзян Чэхань опешил:

—...

— Это была крайняя необходимость, вот я и... — попытался он оправдаться.

— Значит, Принцесса действительно трогала меня за руку? — невозмутимо подытожил Сюэ Цяньсян. — Кто бы мог подумать, что Принцесса так ко мне равнодушна... Даже за руку тайком дергает.

— Кто... кто еще к кому равнодушен?!

Сваленная на него с больной головы на здоровую вина заставила альфу взвиться на дыбы. Но возразить было нечего: он и впрямь сам схватил омегу за руку. Ограничившись лишь свирепым, округлившимся взглядом, Цзян Чэхань понадеялся достучаться до остатков совести Сюэ Цяньсяна.

Увы, сердце у омеги было каменным. Проигнорировав метаемые в него молнии, Сюэ Цяньсян вновь потянулся к рукаву его рубашки и слегка потянул:

— Пошли, Принцесса.

Заметная усталость на его лице не была поддельной, да и голос звучал совсем тихо:

— Я очень устал.

Сжав зубы, Цзян Чэхань с недовольной миной попытался сбросить его пальцы со своего рукава — чисто символически, без особого успеха. Поняв безнадежность попыток, развернулся и потянул омегу за собой.

Всю оставшуюся дорогу альфа находился в крайнем напряжении, подстерегая момент, когда Сюэ Цяньсян снова попытается пощекотать его ладонь, чтобы тут же поймать поличным. Однако омега вел себя предельно смирно и больше не капризничал. В конце концов Цзян Чэхань сам запутался: было ли то легкое касание намеренным жестом или просто мерещилось от усталости.

Они спустились от храма Южного Лотоса уже ближе к вечеру.

Поев в городе и немного прогулявшись по улицам, решили наконец возвращаться.

Выбравшись из такси у университетских ворот, Сюэ Цяньсян взглянул на Цзян Чэханя и вдруг негромко произнес:

— Завтра понедельник.

— Угу, — отозвался Цзян Чэхань, так и не поняв, к чему было это замечание, но из вежливости поддерживая разговор: — Учеба начинается.

Сюэ Цяньсян молча посмотрел на него, удивляясь такой невозмутимости. Набравшись терпения, пояснил:

— Завтра наступает четвертый день. День после нашего уговора.

Цзян Чэхань, уже сделавший шаг в сторону территории кампуса, замер как вкопанный. Через пару секунд он медленно обернулся к Сюэ Цяньсяну, не произнося ни слова.

— Мне было очень хорошо с тобой в эти три дня, — Сюэ Цяньсян подошел ближе. Вечерний ветерок шевелил его челку, открывая выразительные, миндалевидные глаза, в которых отражалось строгое, точеное лицо альфы. — А Принцессе нравилось проводить со мной время?

Цзян Чэхань неловко выцедил:

—... Да.

Пусть в силу ряда причин он и питал к Сюэ Цяньсяну неприязнь, за прошедшие дни он убедился: омега вовсе не дурной человек. Кабы не прежние недоразумения, он бы с радостью посчитал его своим другом...

Во всяком случае, рядом с Сюэ Цяньсяном было удивительно спокойно.

... Да, порой тот выводил его из себя, но тут же искал способ загладить вину, и вся злость улетучивалась сама собой.

Услышав этот ответ, Сюэ Цяньсян мягко улыбнулся, и в его глазах блеснули теплые искры:

— Если Принцесса доволен, то и я счастлив.

Хоть за три дня ему так и не удалось вывести причину неприязни альфы, жалеть ни о чем не приходилось — поддразнивать этого котика оказалось ни с чем не сравнимым удовольствием.

Жаль лишь, время пролетело слишком быстро. Уговор есть уговор: дальше каждый идет своей дорогой.

— Но я сдержу данное Принцессе слово, — спокойно продолжил Сюэ Цяньсян. — Начиная с завтрашнего дня, я не стану тебя беспокоить. Как только стрелки часов перешагнут через полночь, при следующей встрече мы снова станем чужими людьми. Пройдем мимо, точно незнакомцы.

Цзян Чэхань не ожидал, что омега заговорит об этом прямо сейчас. Чуть распахнув глаза, он неопределенно замер, так и не найдя, что ответить.

Он не пытался его удержать, но и не возражал — его молчаливая сдержанность выглядела как беззвучное согласие.

Три дня — слишком ничтожный срок. Сюэ Цяньсян так и не смог разгадать секрет Цзян Чэханя, не узнал, что тот чувствует на самом деле и о чем думает в эту минуту.

Сюэ Цяньсян не привык навязываться. Но за эти три дня его собственное отношение к альфе изменилось.

Этот альфа хоть и упрям, избалован, капризен как принцесса и полон тайн, но при этом надежен и наделен глубоким чувством ответственности.

Стать ему другом было бы прекрасно, но если уж не судьба — Сюэ Цяньсян не станет мозолить ему глаза и вызывать лишнее раздражение.

Лучше сдержать слово и сохранить эти три дня в памяти как светлый сон. Не ворошить прошлое при редких встречах, оставив о себе самое лучшее впечатление.

Выждав некоторое время и не дождавшись ответа, Сюэ Цяньсян ощутил, как грудь сжимает тихая тоска.

Сперва он лишь хотел позабавиться, дразня эдакого своенравного котика, но тот оказался настолько милым, что расставаться теперь не хотелось вовсе.

Увы, даже самое страстное желание не заставит луну упасть с неба. Цзян Чэхань сейчас казался ему именно такой недостижимой луной.

— Давай обнимемся, — Сюэ Цяньсян шире раскрыл объятия, придав голосу наигранную непринужденность. — На прощание.

Цзян Чэхань посмотрел на омегу и после некоторого колебания сделал шаг навстречу.

Он намеревался лишь формально заключить Сюэ Цяньсяна в объятия, чтобы отдать дань ритуалу, однако омега сам подался вперед, прижавшись к его груди и крепко обхватив за талию.

Омега в его руках занимался танцами — его гибкое, тонкое тело ощущалось удивительно мягким. Подхваченные ветром пряди волос коснулись подбородка Цзян Чэханя. В нос ударил едва уловимый, сладковатый аромат феромонов.

Инстинкты альфы вспыхнули мгновенно. Невольно поддавшись импульсу, Цзян Чэхань наклонил голову, уткнувшись носом в шею Сюэ Цяньсяна. Он хотел разобрать, каков же на самом деле этот запах, тщательно скрытый за блокерами, как вдруг омега приподнялся на цыпочки и прошептал ему прямо в ухо:

— На самом деле там, на горе... я намеренно задел твою ладонь.

Дзинь...

Точно серебряный колокольчик отозвался из далекой горной чаши, этот шепот пронзил сознание Цзян Чэханя, заставив каждую жилку напрячься.

Он резко опустил взгляд, чтобы потребовать объяснений, но омега уже разомкнул руки. Отступив на несколько шагов, Сюэ Цяньсян помахал ему и улыбнулся:

— Пока.

И, набрав воздуха, произнес в последний раз:

— Принцесса... прощай.

Повернувшись, Сюэ Цяньсян легко шагнул прочь; ремень его сумки качнулся в воздухе. Он уходил, оставляя Цзян Чэханю лишь удаляющийся силуэт. А альфа так и остался стоять на месте, пытаясь уловить и разобрать тающий в вечернем воздухе сладкий шлейф омежьих феромонов.

Вернувшись вечером в общежитие и приняв душ, Цзян Чэхань впервые в жизни не стал братья за книги, а сразу забрался на кровать.

Усевшись со скрещенными ногами, достал телефон. Пометавшись по экрану, не удержался и открыл диалог с Сюэ Цяньсяном, задумчиво проводя пальцем по его аватарке.

Последнее сообщение датировалось вечером, когда у него высыпала крапивница. Цзян Чэхань тогда пожаловался на бессонницу, а Сюэ Цяньсян спросил, не по нему ли он так скучает.

Прежде эти слова казались просто шуткой, но сейчас от одного взгляда на них сердце альфы заколотилось чаще.

В голову лезли странные мысли. Перед глазами снова вставала картина закатного неба, пылающего алой зарей, и то прощальное объятие.

Феромоновая железа омеги тогда находилась буквально у его губ. Стоило лишь податься вперед, и клыки без труда проткнули бы тонкий чокер-блокиратор, прокусили бы нежную, благоухающую копьём кожу, позволив ощутить истинный вкус этого аромата...

«Да о чем я, к черту, думаю?!»

Осознание того, насколько нескромные мысли лезут в голову, заставило Цзян Чэханя вздрогнуть от испуга.

Палец дернулся, случайно задев стикерпак. Смешной стикер мгновенно отправился в чат.

От испуга у альфы мгновенно взмокли ладони. Он уже тянулся к экрану, чтобы спешно отменить отправку, как вдруг поверх сообщения вырос огромный красный восклицательный знак:

[Пользователь не состоит в вашем списке друзей. Отправьте запрос на добавление]

Вглядываясь в короткую системную строчку, Цзян Чэхань окончательно оцепенел.

Когда Ся Чжицин, приняв душ, вышел из ванной, то к своему удивлению обнаружил, что обычно засиживающийся до полуночи Цзян Чэхань уже забрался под одеяло.

На кровати возвышался молчаливый, застывший холмик.

Альфа лежал спиной ко всем, не подавая признаков жизни.

Он походил на хрупкий, мрачный грибок, неожиданно выросший прямо посреди постели.

... Грибок, над которым явно висела персональная грозовая тучка.

<http://bllate.org/book/19661/1993264>